

A stylized illustration in a comic book style. A hand with long, dark, textured fingers reaches down from the top left. A leg in a dark suit with a long, flowing red cape descends from the top right. At the bottom, a small white cube with a black square on its side is being stepped on by a blue, star-shaped foot. The background is white.

АЛЕКСАНДР
СНЕГИРЁВ

ПРИЗРАЧНАЯ ДОРОГА

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
РУССКИЙ
БУКЕР

«Это не магический реализм,
а реальность магии». **ВАЛЕРИЯ ПУСТОВАЯ**

«Если собрались читать Снегирёва,
знайте, вам потом с этим жить.
Но того стоит». **АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН**

Содержит
нецензурную
брань! 18+

Александр Снегирёв
Призрачная дорога

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Снегирёв А.

Призрачная дорога / А. Снегирёв — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098987-4

Если живёшь на пути у Наполеона. Если по дороге в магазин встречаешь говорящего мертвеца. Если ребёнок, которого любишь, любит не тебя. Если заходишь в спальню, а твоя жена с другим. Если тот, кого никто не видит, неумолимо приближается к твоему дому... Каждый создаёт свой мир сам. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098987-4

© Снегирёв А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	5
Пролог	8
Глава 1	19
Глава 2	21
Глава 3	24
Глава 4	27
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Снегирёв

Призрачная дорога

Кисоньке, соавтору и этой книжки, и всей моей жизни.

Олегу Жданову, который очень хотел это прочитать.

Предисловие

Дом творения

Благодаря предыдущему роману Александр Снегирёв выиграл премию «Русский Букер», а в новом романе обыграл самого себя.

Букероносную «Веру» Дмитрий Быков назвал «конспектом романа». Что тогда сказать о новом тексте? Это романа прообраз, завязь, это роман, вспоминающий, чем он был до рождения.

Если «Вера» позволяла говорить о том, что писатель модернизирует большой русский роман, то новый текст показывает наиболее радикальное направление этой модернизации.

Снегирёв ищет новое, отматывая время литературы назад, в архаику.

И это при том, что внешне его роман современно, даже модно прикинут. В нём есть всё, без чего трудно представить текущую литературу.

Семейная травма – действие закручивается вокруг конфликта мужа и жены, не согласных в том, как обойти приговор бездетности. Социальная драма в подсветке психологии – ребёнок, которого есть шанс удочерить, изводит выбором и двойными стандартами родные бабки. Меланхолия внутренней эмиграции – действие разворачивается в деревне недалеко от Москвы, где даже при наплыве гостей неизбежно уединение со своими страхами, проекциями и страстями. Исповедь и компенсаторные механизмы лузера – роман написан от лица писателя, который нарывается на подвиг, сбегая от неудачи, и не находит слов, чтобы прямо поговорить с женой о том, что их мучает. Сатира и вызов – то и дело в романе продёргиваются обмусоленной ниткой образы беженцев и гастарбайтеров, воцерковленных по моде и патриотов на словах, блогерской показухи и самодовольной социофобии.

Но это напряжение актуального времени – подчёркнутое тем, что автор включает нас в своё настоящее, постепенно разворачивая один свой день в деревне от утра к следующему утру, – это выпяченное «здесь и сейчас» становится в романе объектом полемики.

«Почему ты не рассказал правду?» – требовательно обращается к мужу-писателю та, кто в романе под безличным именем Кисонька служит проекцией его реальной жены. Кисонька в романе играет против писателя – тянет одеяло супружеской, общей вроде как жизни на себя, врывается в текст с поправками, куда более существенными, чем у любого редактора. Кисонька перекраивает мир романа – и его жанр: она упорно возвращает писателя к документальной реальности.

Писатель придумывает – Кисонька обдирает образы до фактов. Писатель закручивает сюжет – Кисонька рассказывает, как было на самом деле. Писатель «так видит» – Кисонька просит разуть глаза.

Роман движется за счёт ритма созидания и разрушения, как сам мир, в котором чередования рождения и смерти, роста и убыли, расцвета и угасания бессчётно репетируют акты

Творения и Конца, между которыми, будто в подкладку вселенной, завалилась и копошится вся наша жизнь.

В этой ритмичной смене художественных концепций – источник нового эксперимента Александра Снегирёва в жанре романа.

Стоит вспомнить, что его букероносная «Вера» была своего рода вызовом набравшему тогда широкую популярность в литературе жанру большого исторического романа. «Вера» вышла на фоне оглушительного успеха книг о репрессиях, гражданской войне, семейных сагах о двадцатом веке. Вышла – и возмутила несоответствием общему ряду: в маленьком романе «Вера» есть следы и саг, и эпопей, и цепь поколений, и великая война, и связь современности с началом прошлого века, и историческая травма, и взаимоисключающие пути России – весь набор модного романа, только свёрнутого в тугую трубу, из которой автор подглядывает за совсем частными травмами своей героини Веры и представителями разных слоёв современного общества, с которыми она, как сама Россия, ищет единственно верный путь – к своему женскому счастью. Роман выглядел ехидной пародией на большой исторический жанр и в то же время опасно глубоким путешествием в подсознание современности, где коллективная память так же спутана, причудлива и тревожна, как повествование Снегирёва.

Новый роман выходит на фоне нарастающей востребованности документальных свидетельств о личных и социальных травмах. Стоит ли говорить, как угловато, вертляво и шутовски встраивается он в этот новый ряд актуальной литературы и как опасно порой замирает на самом краю пародийной исповеди?

Документальность – это рассказ об опыте, неотъемлемом и неповторимом, как имя. Это сага о том, что, в силу личного переживания, стало принадлежностью конкретно этого человека. Это попытка поделиться тем, чем на самом деле поделиться нельзя.

Лев Толстой говорил, что, возмись он ответить на вопрос, о чём его роман, ему пришлось бы написать его целиком заново.

Так и понять документальное свидетельство по-настоящему возможно, только пережив его лично и заново.

Жизнь и литература не поддаются окончательной интерпретации.

Вот почему в документальной прозе жить – значит сталкиваться с достоверным и неизбежным. А в романе Снегирёва жить – значит попытаться забуриться в почву и натолкнуться на слежавшиеся презервативы.

Резиновая земля – отличная аллегория жизни, которая выдает ответы не по запросу.

Вспоминается камень, который, как сказано в Евангелии, человек никогда не предложит сыну, попросившему хлеб.

Кисонька требует от писателя наплатить публику хлебом документального свидетельства. Но он во всем пережитом чувствует привкус резины, фейка, самообмана.

Что литература – лучшее средство терапии травмы, известно давно. Однако в новом романе Снегирёва литература становится антропологическим законом.

Человек литературен по природе – потому что не может не вжевывать резину в почву опыта.

В этом его уязвимость перед жизнью, которую он никогда не видит такой, как есть. Но и власть над ней.

Литература – способ отступить, переиграть и навязать жизни свои правила.

Неслучайно рассказчик в воображении охотно включается в полуисторическое-полумаскарадное шествие наполеоновской армии, отступающей из Москвы по дороге от ближайшего «Ашана» к его деревенскому дому.

Отступление в романе – больше, чем метафора. Это художественная стратегия торжества над фактами.

Пришла пора вспомнить произведение, с которым новый роман Снегирёва незримо связан. Его ранний роман «Нефтяная Венера», в сердце которого – тоже история семейной травмы. Этот ранний роман совсем другой, чем новый, сейчашний. Он полон сухих наблюдений за собой, суровых фактов жизни, необратимых выборов, столкновений, предательств, сокрытий. В отличие от нового романа, ранний – отчаянный, утыкающийся в неизбежность. Читая его, чувствуешь достоверность пережитого на сто процентов.

Но вот я перечитала его теперь, в свете новой вещи – и что же? Да, моя включённость в острые переживания и стыдные мысли героя, мечтающего освободиться от свалившейся на него ответственности за больного и плохо социализируемого сына, заработала снова. Но поверх неё, будто шипящей волной перекиси по кровающему порезу, – чудесное, лёгкое, утешающее, отпускающее с миром чувство игры. Только сейчас я поняла: тот болючий и достоверно захватывающий роман – на сто процентов фантазия. Писатель Снегирёв смог передать мне достоверные переживания, не раскрывая действительно пережитого.

Писатель – он такой. Никогда не обнажается до конца, остаётся загадкой.

Но такая же загадка в новом романе Снегирёва – любой человек. Вечно ищущий путь отступления от судьбы и выпадающий из своего сейчас в то всегдашнее, спасительное, игровое, чудесное пространство, которое мы называем немного скучным словом «культура».

Человек сам – литература. Писатель себя. Созидатель, соревнующийся с силами разрушения.

Новый роман Александра Снегирёва – о том, как раскопечгарить в себе творящую энергию. И быть готовым пересоздать мир после разрушающей встречи с самим собой.

Александр Снегирёв написал не исповедь, не сатиру, не семейную драму, не монолог-dos – хотя всем этим жанрам находится место в его новой книге.

Он написал роман-обряд.

Это не магический реализм, а реальность магии.

Это жанр-действие, в котором конкретное «здесь и сейчас» вытесняется вечным, всегдашним, а люди выступают под бирочными именами: богиня, плотник, печник, сосед, сиротка, бабки, Кисонька.

Это замыкание времени в магический круг, где точка смычки – мистическая встреча с тем, кто только на первый взгляд кажется рассказчику незнакомцем.

И растяжение пространства, обрастающего карманами подземелий, сараев, мерцающих комнат, срабатывающих как лаз для инициации, куда рассказчик попадает будто мальчиком, не знаящим себя и своих сил, а выходит, как признаёт хотя бы одна из вечно предающих его женщин, «другим человеком».

Это проза базовых ритмов и сущностных рифм, когда явления повседневной жизни притягиваются друг к другу, как женское к мужскому.

Это танец поворота, в котором дом кружится вокруг хозяина, благодетель – вокруг сиротки, соперники – вокруг верной жены, сладости жизни – вокруг случайной смерти, вдохновение вокруг утраты.

Редкий пример писательского шаманизма, возвращающего литературе её доисторический смысл – ритуала, в круге которого смыкаются точки выхода и входа, смерти и зачатия, горя и надежды, слова и жизни.

Валерия Пустовая

Пролог

1

Перекладина прогнулась под ногой.
Его шатнуло назад и вниз.
Мгновенный ужас бултыхнулся в нём.

Трап, идущий по крутому скату крыши, оказался дохловат.
Он сам купил железные уголки для переключин, и эти уголки теперь норовили обломиться.

2

Всему причиной – желание заинтересовать, понравиться.
Потому и начал с напряжённой сцены.
Да ещё и пишет о себе в третьем лице.

Чтоб в жанре.
Типа, как Хичкок завещал: землетрясение на Манхэттене и – по нарастающей.
Поди обеспечить эту нарастающую!
Ступеньки хилые, а дальше что?

Ненадолго же меня хватило. Срываюсь на третьем абзаце.
Не могу притворяться.
Ясно же, что он – это я.
Я купил злосчастные уголки, и подгибаются они под моим весьма умеренным весом.

Да, я пытаюсь привлечь внимание.
Да, я люблю, когда меня хвалят.
Меня раньше часто хвалили: хорошо покушал, хорошо покакал.
Хороший мальчик.
И то и другое я и теперь делаю безупречно.
Достиг совершенства.
Но никто меня больше за это не хвалит. Вот и вынужден изощряться.

Куда я лезу?

На крышу собственного дома.

Всё потому, что Кисонька решила, будто печная труба не в порядке.
Была гроза.
Мы сидели в гостиной.
Раздались грохот и треск.
Мелькнула яркая вспышка.
Электричество погасло.
И тотчас вспыхнуло.

Кисонька утверждает, что это была молния.
Даже целых две: одна ударила в трубу, другая влетела в гостиную.
Шаровая молния влетела в гостиную неизвестно каким образом.
Окна закрыты, двери заперты, а молния влетела.
Или возникла сама собой.

Дочитав до этого места, Кисонька возмутилась: как же так, совершенно проигнорирована шаровая молния, а она, между прочим, летала по нашей гостиной.

Очень по-мужски: яркое символическое явление пропустил, зато своего персонажа, то есть себя, с первой строки вознёс, с первой строки.

Если слушать Кисоньку, дело было так.

Молния искрится и трещит, а мы смотрим на неё, застывшие, не в силах произнести ни слова.

Молния полетала по гостиной, поводила жалом, как любопытная сплетница, ничего, к счастью, не воспламенила и юркнула в камин.

И в дымоходе взорвалась.

Бабах, и только облако из топки плюс запах озона.

3

Реальность раскололась.

То ли одна молния расщепила её, то ли целых две.
То ли одна и две одновременно, то ли вовсе не было никакой молнии.

4

Для осмотра трубы Кисонька пригласила печника.
Заодно пускай камин переделает.
Камин давно дымит, а теперь ещё молния.

Печник прибыл, заселился, разобрал камин, развёл грязь, а до трубы всё никак не мог добраться.
Вот я и решил взять дело в свои руки.

5

Приставил к стене раздвижную лестницу.
Крепко в неё вцепился, чтоб не шелохнулась, пока печник будет преодолевать два этажа до самой крыши.

Печник принялся карабкаться, лестница скрипела и не думала двигаться – печник очень грузный.

Недаром он откладывал восхождение.

С таким-то весом.

Едва печник ступил на первую перекладину трапа, идущего по скату крыши, злосчастные уголки согнулись и стало ясно: дальнейший подъём невозможен.
Печник и раньше не был худосочным, а женитьба это только усугубила.

6

Жена у печника замечательная.
Но постоянно готовит.
И всё с изыском.
У неё даже есть домашняя коптильня.
Мультиварка,

яйцеварка,
кофеварка,
аэрогриль,
агрегатик для изготовления колбасок,
хлебопечка и коптильня.
Не считая духовки, микроволновки, соковыжималки, миксера и ещё какой-то херни.

Недавно она приезжала навестить печника и рассказала, что в домашней коптильне предусмотрена ёмкость для жирка.

Мяско коптится, жирок стекает.

Жирок.

Я мысленно поблагодарил судьбу за то, что у Кисоньки нет склонности к копчению.

Возможно, однако, я ошибаюсь.

Возможно, Кисонька тайно вождедеет коптильню.

Листает по ночам каталоги, перебирает украдкой ольховую щепу, придающую копчёностям неповторимый аромат, посещает специализированные магазины, гладит сверкающие корпуса, забирается пальчиком в отверстие для стока жирка.

Жирок, жирок, жирок.

А что, если Кисонька, чего доброго, давно в секрете от меня сняла уютную квартирку и там коптит?

Что если...

...страшно представить...

Кисонька завела шашни с каким-нибудь обладателем домашней коптильни?

Посещает его тайно.

Смотрит в истоме, как на вертеле крутятся куски плоти.

Шипят и оплывают пресловутым жирком.

Смотрит, любитесь и, нет-нет, макнёт пальчик в жирок и оближет.

Печник попробовал ногой подгибающуюся перекладину и покачал бородой.

Пришлось мне лезть на крышу самому.

На этот раз лестницу держал печник.

Не держал, а просто привалился.

До крыши я добрался мгновенно.

Словно матрос по вантам.

По крайней мере, мне так показалось.

До крыши добрался, а дальше началось – перекладины прогибались и подо мной тоже.
Выходит, дело не в тучности печника.
И не в коптильне.
А в моей
жад-
нос-
ти.

Следовало брать уголки подороже и покрепче.

Оставалось победить силу притяжения скоростью.
Стремительно перебирая всеми четырьмя конечностями, как мультипликационный кот, я преодолел рискованное расстояние и благополучно достиг трубы.

8

Труба в полном порядке.

Аккуратная кладка, жестяной колпак.

Почувствовав себя героем, который имеет право на отдых, я решил осмотреться.
Обозрение с крыши не похоже на вид из окон: с крыши оно широкоугольное и голово-
кружительное.
Мне даже показалось, что я вроде как лечу, настолько всё вокруг было неограниченно.
Поляна перед фасадом далеко внизу, вершины деревьев вровень.
Поразила не высота моего теперешнего положения, а то, что я вынырнул на поверхность
леса, оказался на уровне его верхушек.

По дороге, идущей неподалёку, в обоих направлениях беззвучно сновали автомобили.
Я давно обратил внимание на этот необычный факт:
дорога рядом, а её не слышать.
Таинственное явление.
Из-за этого у меня к дороге особое отношение; вроде как она не дорога, а мираж.
А вон и сосед.

Такой маленький отсюда.

9

У соседа ларёк.

Ассортимент лаконичный:

консервы, алкашка, мороженое.

Плюс саженцы весной и летом.

Плюс контрафактная стеклоомывательная жидкость зимой.

Помимо ларька, у соседа жена.

Когда он уезжает подавать жалобы (он очень любит жаловаться), жена принимает поставщиков и болтает с продавщицей.

А иногда с рыжим мотоциклистом.

Я видел, как она на него смотрит.

Вот где и молнии, и все мыслимые атмосферные явления.

Когда жена уезжает к доктору, ставить пиявок, или на курорт, или куда там она уезжает, сосед вызывает проститутку.

Очень похожую на жену, только новее.

В остальное время он интересуется историей.

Как-то раз я шёл мимо пруда – на скамейке сосед.

Забыл сказать, у нас тут ещё овальный пруд.

На зеркало в туалете похож.

А за прудом уже дорога.

Короче, сидит сосед на скамейке, в одной руке бутылка водки, в другой – стаканчик пива.

Сидит, и про историю с экрана читает.

И отхлёбывает то из горлышка, то из стаканчика.

10

– Надо знать свою историю, – сказал сосед, протягивая мне бутылку.

– Спасибо, рановато, – ответил я.

– Надо знать историю, – повторил сосед.

– У меня с утра в боку ноет, – сказал я.

– Тогда без запивки, – строго сказал сосед и отодвинул стаканчик.

Я вздохнул, глотнул и потянулся к пиву.

Без пива нельзя.

– Вот ты знал, что по нашей дороге сам Наполеон из Москвы отступал? – спросил сосед, наблюдая, как гримаса страдания на моём лице с каждым глотком сменяется благодатью.

– Из города он вышел возле АШАНА, – сосед махнул рукой в сторону Калужского шоссе. – Но Кутузов вынудил его сменить направление, тут-то наша дорога ему и подвернулась.

Сидя на крыше, я вспоминал, как мы с соседом смотрели на дорогу и вся Великая Армия двигалась перед нами.

В четыре ряда.

Впереди император на белом коне.

Позади него свита со страусиными перьями.

Следом гвардия: на головах, вместо медвежьих шапок, тюрбаны из пёстрых платков, на плечах боярские наряды из допетровских сундуков, на пальцах кольца из малахитовых шкатулок.

Любой величественный поход оборачивается грабежом.

Любой грабёж – маскарадом.

В ранцах часы тик-так, проложенный тканями фарфор звяк-звяк, ювелирка по карманам бряк-бряк.

Скоро они станут избавляться от ноши.

Коней съедят, а на себе тащить тяжело.

Сейчас по обочинам – сигаретные пачки и целлофан, а двести лет назад – канделябры и книги.

11

По пути из Москвы в Европу можно было неплохо подтянуть знание, к примеру, французской философии.

Поднимаешь Руссо,

прочитываешь,

бросаешь,

поднимаешь Вольтера,

листаешь,

бросаешь.

Трудно угадать, когда и как получишь дополнительное образование.

Разве, проходя мимо нас с соседом, могли они представить, какой печальный поход им предстоит?

Разве могли они представить, что скоро начнут пить кровь своих боевых четвероногих друзей?

Вороних, гнедых, буланых?

И лица их будут перемазаны кровью вороних, гнедых и буланых. А потом они этих вороних, гнедых и буланых сожрут, друг за друга возьмутся.

Разве таким они представляли ближайшее своё будущее?

А более отдалённые перспективы и вовсе были от них скрыты.

Например, то, что их ноги, конские копыта, колёса повозок и орудийных лафетов месят грязь неподалёку от места, где спустя почти сто пятнадцать лет, в июне тысяча девятьсот двадцать восьмого года, состоится шестой съезд коммунистической партии Китая?

Единственный, проведённый за пределами Поднебесной.

12

Съезд прошёл вон в той усадьбе за водокачкой.
Присутствовало более ста кандидатов.
Они сформулировали основные задачи предстоящей китайской революции.
Среди почётных гостей был Бухарин.
Спустя девять лет он писал Сталину из тюрьмы:
«У меня сердце обливается горячей струёю крови,
когда я подумаю,
что ты
можешь верить в мои преступления
и
в глубине души сам думаешь,
что я
во всех
ужасах
действительно
виновен».

Струя крови...

Интересно, когда солдаты отступающей Великой Армии перерезали коням вены, кровь текла ручейком или хлестала струёй? Голодные присасывались к ранкам или подставляли рты под фонтанчики?

Интересно, что бы я сам писал другу и соратнику, если бы по его приказу меня приговорили к смерти?

Я бы пожелал ему счастья. Это ж каким грустным надо быть, чтобы забавляться казнями товарищей!

Ещё несколько лет назад усадебный дом был разгорожен на убогие жилища.

Провалившийся пол, кособокая лестница, облезлые стены.

Теперь усадьба – сущее загляденье.

Правительственным распоряжением её передали китайцам, те высадили газон, а дом отделили до неузнаваемости.

На балконах красные бумажные фонари, на крыше шпиль.

По периметру решётка, у ворот табличка с иероглифами, очень похожими на те, что на банках тушёнки «Великая стена».

У китайцев на все случаи жизни одни иероглифы, одно название и одно мировоззрение – «Великая стена».

13

Дочитав до этого места, Кисонька снова возмутилась.

– Надоела история, хватит уже.

Давай уже чего-нибудь свежего.

Увидь уже что-нибудь кроме занудства.

Увидь то, что можно увидеть и чего нельзя.

Например, как сосед подглядывает через забор за богиней, которая загорает с голыми сиськами, или как я трахаюсь с плотником.

– Но здесь ещё ни слова нет про богиню и плотника, – возразил я. – Они ещё не существуют.

– Не существуют? – Кисонька сделала такие глаза, какие делают взрослые, услышав от детей наивное утверждение. – Если ты про них не написал, это не значит, что они не существуют. У тебя полный дом людей, а ты копошишься в старье.

– Если ты собираешься трахаться с плотником, я вообще его вычеркну, – твёрдо сказал я, мысленно вернулся на крышу и снова стал многозначительно вглядываться в даль.

На повороте дороги заработал копёр – машина, забивающая сваи.

Копёр принялся мерно долбить – идёт строительство развязки.

Рядом с ларьком урчит жёлтый экскаватор.

Сосед разравнивает площадку на опушке.

Там, где у него обычно сажены.

Его подручные выкопали крупномеры и отволокли в сторону, вытащили из ларька холодильники.

Товары вывезли вчера.

Позавчера отковыряли и сложили на обочине тротуарную плитку.

Дорога взбунтовалась.

Тихий просёлок между деревнями, принявший на себя однажды сотни тысяч ног и копыт, не пропускавший с тех пор ничего серьезнее грузовиков с пиломатериалами для дач, вдруг заявил о себе.

Надоело дороге быть тонкой чёрточкой на карте, захотелось сольного проекта, захотелось стать шоссе с индивидуальным номером.

Напитавшись растущими потребностями новых жилых кварталов, дорога раздулась, как прожорливый питон.

И придавила соседский участок.

Землю под ларьком изъяли. Велели переезжать в сторону, туда, где саженцы.

И вот экскаватор равняет борозды с прикопанными деревцами. Крупномеры сберегли, а мелочь поленились.

14

Поставив ногу на хилую перекладину, я что-то заметил.
Блестит. Подполз – монета.

Два крыла, две лапы, две башки.

И другие чеканные красоты с обратной стороны.

И тяжёленькая.

Ай да находка, сороки, что ли, обронили?

Сунул в карман, поставил на лесенку обе ноги, гляжу – череп.

С крупную сливу.

Лежит в жёлобе кровельного покрытия.

Я взял череп.

Челюсть с остренькими клыками забавно щёлкает.

Я устроил сам себе кукольный театр – цапнул сам себя за палец.

На пальце выступила красная капля.

Выдавил для дезинфекции, а глаз оторвать не могу.

Капля мерцает и притягивает.

И тут у меня закружилась голова.
От вида крови.
Реально замутило.

Как бы не кувырнуться.
Совершенно незапланированная тема.
Упал с крыши от вида капли крови на собственном пальце.
А кровь откуда?
Сам себя укусил крысиным черепком.
Величественная смерть, что и говорить.
Нет уж, у меня ещё вся книжка впереди.

Я крепко схватился за лесенку, прижался к ней, зажмурился.
Копёр забивает сваи уже не на повороте, а внутри меня.
Стучит гулко, с низкими басами, и весь окружающий мир долбит в такт.
Лес,
дома,
заборы,
колокольня
и колокольчики.
Плюс дачные кооперативы.
Плюс сельскохозяйственные угодья.
Плюс участки под ИЖС.
Плюс колодцы-скважины.
И растревоженные сваями мертвецы вторят из-под земли.

Стук начал удаляться и вернулся на стройплощадку.
Я растёр кровь по ладони, положил черепок на место и пополз вниз.

Глава 1

1

Спускаясь, я наступил на голову печника, который залип в телефоне. Голова оказалась покатой и скользкой, такой же ненадёжной, как и перекладыны лесенки. Вернувшись на твёрдую почву, я взял лопату и поспешил туда, где сосед орудовал на экскаваторе.

Экскаватор многое успел: вместо борозд с нераспроданными деревцами теперь плоскость, им изъезженная.

Все деревца были с изъянами, несимметричные, неразвившиеся, вот сосед и не стал с ними церемониться.

Я стоял как на месте казни инвалидов. Здесь и там виднелись останки калек.

Хотя нет.

Вон что-то жизнеспособное. Кора ободрана, веточки обломаны, но жизнь ещё теплится.

2

Вблизи сосед оказался таким же, каким я увидел его с крыши, – маленьким.

И экскаватор маленький. Маленький и жёлтый.

Впрочем, а какой же ещё? Не синим же ему быть, в самом деле.

– Классная машинка. – Я похлопал разогретую крышу кабины и постучал ногой по гусенице.

Желая всего лишь ухарски похвалить экскаватор, я не рассчитал силы. От дружественного пинка маленький жёлтый экскаватор повалился на бок. Сосед матерно выругался.

Принося извинения, я немедленно поставил машину как была. Сосед, к счастью, не пострадал, только слегка ушиб локоть.

Отношения с соседями – хрупкая вещь.

– Можно я её заберу? – спросил я, указав лопатой на деревце.

– Нормальную покупай, – кивнул сосед на пышные саженцы в горшках.

Чтобы загладить инцидент с опрокинутым экскаватором, я должен был бы у соседа что-нибудь приобрести.

И я бы приобрёл.

Только денег у меня нет.

Я так соседу и сказал. Денег нет. Беру то деревце, которое он всё равно раздавил.

По маленькому лицу соседа, как по электронному табло, пробежала мысль, что за раздавленное деревце надо бы заплатить. Но мысль эту он не озвучил, а я сделал вид, что ничего на его лице не прочёл.

Лопата плохо вонзается в грунт.
Мало того, что укатанный, так ещё повсюду камни и куски резины.
Раньше тут свалка была.
Сюда свозили отходы резинового завода.
Потом завод закрыли, свалку присыпали, размежевали и продали.
Так деревня и получилась.
Всё как бы ничего: лес, пруд, инфраструктура – только вглубь особо не копнёшь.
Когда засыпали, обломки с городских строек использовали вперемешку с глиной.
О камни инструмент тупится, от резины отскакивает.

3

Я выковырял деревце вместе с колтуном почвы и понёс.
Будет Кисоньке сюрприз – она любит деревья.
Сама любит и меня приучила.
Раньше я любил только вещи, любил умерщвлённое для моей пользы, превращённое в искусные изделия и красивые предметы. А теперь люблю живое.
Вот, например, деревце. Его тоже люблю. Не успел выкопать, уже полюбил.

Глава 2

1

От ворот до самого нашего дома тянется лужайка.
Кое-где кустарник и цветы.
На противоположной стороне лужайки дом с флигелем.

Перед крыльцом, в кресле, полулежит богиня Инста.
Убрана богиня сдержанно. На лице очки от солнца, на бёдрах лоскут от взглядов. Ногти богини покрывает лак, губы – помада.

Из кустов выскочила собака и бросилась мне навстречу.
Я не боюсь собак, тем более это моя собака. Она существовала с самого начала, просто ползала под террасой в поисках ящериц, поэтому я её не упомянул.
Собака преданно заглянула мне в глаза, обнюхала клок корней и успокоилась – дерево ей не конкурент.

Я оставил ношу в тени у забора, помыл руки под краном и подошёл к богине.
Собака бежала впереди, изображая дозор.
Собака облизала богине ноги, и та захихикала.
Так хихикают те, кто не прочь, но всё равно артачатся.

2

Я склонился к богине, чтобы поприветствовать её поцелуем, но меня остановил и даже заставил вздрогнуть звук удара.

Десятилетний мальчишка, сын богини, пнул футбольный мяч в стену дома.
– Ты с ума сошёл? – спросила богиня сына.
– Мне скучно! – крикнул мальчишка.
– А ну-ка, повтори по-немецки! – велела богиня.
Сын богини изучает немецкий, и она не упускает возможности заставить его практиковаться.
– Их вермиссе! – гаркнул мальчишка и, пиная мяч, побежал по лужайке. Собака с лаем бросилась следом.

Ни богиня, ни тем более я не знаем немецкого, но звуки, которые издал её сын, показались вполне немецкими. И неудивительно, ведь слова он произнёс с гавкающей интонацией, а в конце выбросил вперёд правую руку на манер Гитлера. Речи последнего сын богини непрерывно смотрит в интернете и уже научился неплохо подражать кумиру. Богиня не осуждает привязанность мальчишки к тирану – иностранный язык лучше всего усваивается в игровой форме.

Не успели мы с богиней налюбоваться резвящимся малюткой, как он издал истошный вопль, которым подкрепил попытки пнуть собаку. Собака уворачивалась, не выпуская из пасти мяч, утративший круглую форму.

– Она его прокусила! Прокусила своими мерзкими зубами!

Непреклонная богиня даже не повернула голову.

– Я понимаю только по-немецки.

– Дерхундбисдинбаль! Дер хунд бисс дин баль! – проорал маленький фюрер сквозь слёзы.

– Скажи это папе, пусть купит тебе новый, – посоветовала богиня ласково. – А сейчас отойди, ты заслоняешь мне солнце.

3

Сын скрылся во флигеле, громко хлопнув дверью.

Собака улеглась среди пионов и, положив передние лапы на комок мяча, принялась его жевать.

– Открой, будь добр.

Богиня пошарила позади шезлонга и выволокла за горлышко здоровенную бутылку литров на пять-шесть.

– Спонсоры подогнали.

– Не рановато с утра? – спросил я, срывая фольгу и сворачивая проволочную клетку с пробки.

– Не отвлекайся, – улыбнулась богиня и жеманно ахнула от хлопка.

– Бокал... – Я огляделся по сторонам, сообразив, что не понимаю, куда, собственно, лить.

– Сюда, – богиня подвинула тару.

– Прямо сюда?

– Лей.

Что ж, по крайней мере не расплескаю. Я наклонил бутылку и золотистая струя ударилась о дно ярко-зелёного пластмассового тазика. Когда угол наклона бутылки сообщил, что остались последние глотки, богиня скомандовала «стоп».

Она опустила в тазик ноги, подставила рот.

– Только чтоб ни капли мимо.

Я поднёс горлышко бутылки к её губам и аккуратно влил.

– Тонизирует и, одновременно, расслабляет, – сказала богиня, проглотив. Она откинулась в шезлонге и пошевелила педикюром. От её ступней бежали пузырьки.

Богиня навела на себя смартфон, поправила волосы, сложила красиво губы и запечатлелась.

Затем я запечатлел её в полный рост с тазиком.

Из получившегося богиня выбрала самое подходящее, объединила в иконостасик и отправила в мир.

#шикарнаяжизнь, #купаюногившампанском, #летоэто маленькаяжизнь, #летоэто маленькаяшикарнаяжизнь, #солнечныйдень, #здесьисейчас, #лавюфорэва, #безфильтров, #фэшн, #лакшери, #отдыхаемхорошо, #инста, #муд, #инстамуд, #инстагёрл, #инсталеда, #инстастар, #инстабогиня, #инстагаднесс, #инстатоплесс, #инстабади, #инстами.

Жить надо так, чтобы было что запостить.

– Пятьдесят за то, что я напишу, как всё славно в нашем королевстве, – улыбнулась богиня.

Я уважительно покачал головой.

Богиня привирает, ей максимум платят двадцатку, но и то хорошо, мне вообще никто таких предложений не делает.

Я немного ревную, что она никогда не выкладывает автопортреты со мной.

– В следующий раз удвою ценник, – нахмурилась богиня. – Вот тогда на самом деле будет хорошо.

После слова «хорошо» она рыгнула.

Как и я, богиня любит быть обласканной.

Только ей удаётся извлекать из этого барыш. Она умеет вкушать сладость интерактивности и одновременно зарабатывать.

Обратила адикшн себе на пользу, утверждая, что посредством селфи дарит радость своим подписчикам.

Все мы любим объяснить собственные слабости стремлением к общему благу.

Отправляя в мир изображения своего лица и тела, богиня создала культ.

Ей подражают, её вожделеют, производители и распространители косметики, парфюмерии, нарядов и средств от насекомых платят ей за автопортреты с их товаром.

Она делает ставку на картинки. Пишет по-минимуму – грамотность не её конек.

Придирчивый наблюдатель заметит, что богиня далеко не единственная, что она во многом уступает другим многочисленным богиням и культ её не так уж значителен, но всё же она занимает устойчивую позицию в обширном пантеоне нашей скоротечной эпохи.

Этим летом богиня вместе с сыном поселилась у нас во флигеле.

Глава 3

1

Я вернулся к дереву, окинул взглядом лужайку и выбрал место.
В это место я воткнул лопату.
Лопата воткнулась плохо.
Я стал втыкать снова и снова, выворачивая сухую глину. Скоро попался битый кирпич, затем, разумеется, резина.
Копать всё труднее.
Слежавшиеся презервативы. Брак, когда-то вывезенный сюда с завода.
Копнул в стороне. И там презервативы.
Копнул в другом месте – презервативы.
Свившиеся, спрессованные, утрамбованные, как солёные кильки.
Залежи.

На террасу вышел печник.
Вальяжный.
Вольготный.
Я опёрся на лопату, чтобы отдышаться.
– А не попить ли нам чаю? – произнёс печник, как бы ни к кому не обращаясь.
Он погладил ус и подмигнул богине.
Богиня засмеялась.
– У тебя тут отливы под окнами неправильно установлены, – заметил печник.
– Что не так? – спросил я.
– Угла не хватает, вода стекает плохо.
Я вздохнул.
– И дверь скрипит, ты б её смазал, что ли.
Печник медленно закрыл дверь, открыл и снова закрыл-открыл.
Раздался противный визг.
Богиня лениво потянулась.
Я снова взялся ковыряться в гондонах.
– Хозяин, работа есть? – донеслось из-за калитки.

2

Почтительно склонившись, на меня смотрят двое среднеазиатских работяг.
В калитку без приглашения не суются, знают правила.
Я пригласил их войти.
Вошли и отшатнулись.
А я и забыл совсем. Богиня по-прежнему топлес.
Уж извините, ребята, у нас такое бывает. И не надо отвечать своим ИГИЛом на нашу раскрепощённость.
Вот презики, вот лопата.

Символично, ничего не скажешь: ковырять слежавшиеся контрацептивы на глазах у полуголой бесстыдницы.

Не отвлекайтесь. Вот тут надо разрыть, углубить, расширить.

Насыпать плодородной почвы.

И воткнуть вот это дерево.

– Сколько дашь, хозяин?

И тут я вспомнил, что денег у меня нет.

Семья на мели.

Что-то я, конечно, наскребу, но это гроши, отложенные до следующих поступлений, которые ещё неизвестно когда произойдут.

Посадка дерева не планировалась.

Сейчас не сезон посадки деревьев.

Вряд ли оно приживётся.

Спонтанное неосмотрительное вложение.

Может, отдать им богиню?

Не насовсем, конечно. Просто потискать.

Она, возможно, не прочь.

Я огляделся.

– Отдам вам её.

Работяги посмотрели туда, куда и я.

Не молодка, зато тяжёлая.

3

Возле дровника под навесом стоит старая сломанная стиральная машина.

Барабан из нержавеющей стали, вся целиком килограмм на пятьдесят потянет.

В пункте приёма металла за неё дадут больше, чем я заплачу наличными.

Подожли, подвигали, посоветовались.

Так совещаются дети, когда проворачивают сделку.

А стали бы они осматривать богиню, если бы я всё-таки предложил им её?

Стали бы трогать, проверять зубы и плоскостопие?

Работяги заспорили на своём языке.

Замковыми камнями в нехитрой архитектуре их фраз звучат русские слова: лес, менты и молодой.

Видимо, они обсуждают, как потащат стиралку через лес, чтоб не попасться на глаза полиции, и основной груз ляжет на плечи самого молодого и крепкого из них.

Молодой хмурит красивые брови и грызёт травинку.

По рукам.

Согласились и взялись за лопаты, подстёгивая самих себя словечком «айда».

Айда, айда, айда.

Штыки вонзились в неподатливую русскую землю.

Айда, айда, айда.

Полетели во все стороны бракованные резиновые изделия.

Айда, айда, айда.

4

Забыл про собаку.

Она, конечно, облаяла работяг. Но не со зла, а для порядка.

Чтоб знали своё место.

Собака у меня немного наци.

На славян не лает.

Сразу хочу предупредить, что я её взгляды не разделяю.

Глава 4

1

Оставив работяг трудиться под присмотром голой богини и собаки-расистки, я вернулся в дом.

Только вошёл, слышу:

– Не попить ли нам чайку.

Печник никогда не говорит напрямую. Выходит, он ни о чём не просил, ему всё сами предложили.

Я поставил чайник.

Печник уселся на стул с высокой спинкой и огладил бороду. Потом провёл по ней пальцами, словно гребнем, пропустил через кулак.

Ногти у него холёные. Ногти печник бережёт и содержит в блистательном состоянии. После каждого сеанса труда, которые случаются лишь изредка, он в два раза дольше заботится о ногтях.

Лаская бороду, печник принялся рассуждать.

Он любит мемуары и не любит современную литературу.

Зачем нужна выдумка, если реальность, особенно минувшая, намного изящнее и увлекательнее.

– Я давно не читаю романы, – в который раз повторил печник.

Я вздохнул и зачем-то согласился; мемуары и в самом деле бывают очень занимательны.

– Писатели не могут выдумать ничего интересного, – сообщил печник.

Я опять вздохнул.

Что-то часто я вздыхаю в последнее время.

2

Позади печника тенью притаился наполовину разобранный камин.

Все предметы вокруг покрыты пылью.

Мини-Помпеи перед потухшим мини-Везувием.

Печник работает вдумчиво и неторопливо. Согласно замыслу обновлённый камин должен стать изящнее прежнего, но пока он, наоборот, занимает всё больше пространства.

Едва дождавшись кипения, я заварил чай и, пожелав приятного аппетита, сбежал.

Пора уже проведать Кисоньку.

Глава 5

1

Кисонька раскинулась, как пьяное хамло, поперёк кровати.

С одного конца ножка с красивыми пальцами, с другого – горячая и симметричная розовая голова с закрытыми глазами.

Из-под наваленных как попало кудрей торчит ушко.

Какое чудо эта голова и это ушко из-под волос!

Губки приоткрылись, веко со вчерашней подводкой скомкалось.

Кисонька прислушивается к чему-то во сне. Пытается что-то понять.

Такие лица бывают у жертв терактов или, наоборот, у застреленных террористов.

Как-будто тайна вот-вот должна открыться, но всё никак не открывается.

Кисонька перечёркивает собой кровать, образуя запрещающий знак.

Яркий луч проникает через щель между ставнями и рассекает Кисоньку пополам. Так иллюзионисты распиливают на арене улыбающихся женщин.

Кисонька распространяет жар и аромат. Вот бы весь окружающий кислород пах как она.

Я вдохнул и залыбился, как дурак.

Посмотрел на ножку. Ножка так и напрашивается.

Я склонился и поцеловал.

2

На полу валяются лосины тропической расцветки.

Я поднял их и прижал к лицу.

Северокорейские агенты отравили брата Председателя Трудовой партии Кореи Ким Чен Ына похожим способом.

Не в том смысле, что прижали к его лицу кисонькины лосины.

От лосин он бы наоборот воспрял.

Они поднесли к его носу лоскут, пропитанный ядовитым дурманом.

Через несколько часов бедняга скончался.

Я от Кисонькиного запаха теряю разум.

Начинаю её обожать настолько, что хочу скомкать, запихнуть под одежду, прижать к сердцу и всегда там носить.

Главное – никогда этого не делать.

Подобного скомкивания её организм не выдержит.

Но есть у меня и менее опасные желания – я хочу ею стать.
Хочу немножечко побыть Кисонькой.

3

Недолго думая, я натянул на себя её лосины.
Эластичная ткань позволяет.

У Наполеона вся армия в лосинах ходила.

Не в леопардовых, правда, а в белых. Тогда это было нормой. Сотни тысяч мужчин в лосинах.

И все возле моего дома.

Вы только не подумайте, что для меня женские лосины натянуть – обычное дело.

Просто никого нет, мы с Кисонькой одни. Тем более она спит.

А ведь ещё недавно рядом спала сиротка.

Её разобранная кровать стоит в сарае.

Не выкидываем, авось пригодится.

Глава 6

1

Сиротка была самая настоящая. У неё из родителей только бабушка.
И бабушкина сестра.
Бабушек две, а родителей нет.
Познакомились мы на Новый год.

Перед тем как позвонить в железную дверь сироткиной квартиры, мы с Кисонькой задержались этажом ниже – прямо на лестнице я преобразился в Деда Мороза.

Всё необходимое было у меня с собой.

Я надел красный тулуп, шапку с белым отворотом и бороду. (Дети нынче пошли наблюдательные, вычислят самозванцев по башмакам.) Так вот, чтобы избежать провала, я всунул ноги в горнолыжные ботинки.

Походка моя сделалась словно у штурмовика из «Звёздных войн», из-под пяток вылетал пластмассовый стук.

Укутанный синтетикой, скрытый под курчавым забралом бороды, я вспотел, не успев взять в руки мешок с подарками.

Из квартир высунулись любопытные, весь подъезд был в курсе – к сиротке сегодня придёт праздник. На лицах переливалось удовольствие от предстоящих пересудов, будто я – жених, явившийся свататься.

Дверь передо мной приоткрыла худощавая, даже костлявая, высокая старушка в платье с большим кружевным воротником, который двумя белыми крыльями спускался ей на грудь.

Это была, как после выяснилось, родная бабушка.

– Вы к кому? – спросила она через щель.

– Я Дед Мороз, – забыв о всякой величавости, почему-то виноватым шёпотом ответил я.

– Что вам нужно? – спросила бабушка.

– Я принёс подарки, – ответил я растерянno и показал мешок.

– Ну проходите, – милостиво позволила бабушка, сняла цепочку и открыла дверь пошире.

Из глубины жилища, переваливаясь с одной ноги на другую, приближалась другая старушка – бабка номер два. Ноги у неё были кривые, как у кавалериста. Одета она была в застиранные мужские трусы спортивного кроя и громадную несвежую футболку.

Сама сиротка выглядывала из комнаты. Любопытство на её личике сменялось испугом, а кокетство – осторожностью.

Мы с сироткой в тот момент были чем-то похожи. Я – чудо переодетое, она – почти настоящее.

В ней было понимание всего на свете. Понимание того, что перестают понимать взрослые. Понимание того, что понимать ничего не надо – всё и так понятно. Например, что я – реальный Дед Мороз, а не ряженный.

Готовность радоваться ещё преобладала в ней над желанием разоблачать.

Подозрительность и боязнь подвоха ещё не восторжествовали.

Доверчивость, эта божественная черта, была в сиротке.

Но конец уже виднелся. В её припухших, всегда как бы заспанных глазах была усталость. Причастность к неземному тяготила её, инстинкт торопил поскорее вылупиться, опериться и всю зажить обычным человеческим существом.

Родная бабуся принялась поправлять сиротке волосы, а неродная подтянула на малышке сползающие колготки.

– Поздоровайся с Дедом Морозом, – сказали обе пенсионерки хором.

Сиротка смущалась, прятала глаза и не соглашалась меня приветствовать. Наконец она быстро произнесла: «Здравствуй, Дед Мороз», и я поклонился ей. Когда я посмотрел на старушек снова, то невольно застукал их лица. Они переглядывались с такой усмешкой, будто с наслаждением наблюдали, как девственника привели в публичный дом.

2

Стараясь говорить басом, избегая глупых смешков, к которым приводит смущение, я принял приглашение пройти вглубь жилища, где, усевшись на диван, принялся одаривать обитательниц квартиры.

Ни одна не осталась обделённой.

Совершенно не помню самих подарков, помню только, что вручил малышке маленькое боа из розовых перьев. Увидев заранее её фотографии в разных нарядах, я решил, что боа окажется кстати.

Когда я вынул боа из мешка, несколько пёрышек упали на пол.

– Что за странная вещь, столько мусора! – завохтала бабуся, как если бы в курятник забрался лис. – Мы это уберём.

Сиротка подхватила:

– Мы это уберём! Уберём! От этого беспорядок!

Та, что в мужских трусах, наблюдала со стороны, скрестив на груди руки.

Корявые клешни и нежные пальчики слаженно скомкали розовые перья и затолкали в далёкие закрома.

Теперь мне иногда кажется, что однажды, спустя много лет, во время генеральной уборки, то несчастное боа попадётся сиротке на глаза и она с нежностью вспомнит Деда Мороза и новогоднюю ночь.

Мне хочется, чтобы так случилось.

3

Я опять почувствовал себя женихом.

Моей скудной хитрости хватало лишь на то, чтобы кое-как притворяться Дедом Морозом, но охмурить двух мегер и сиротку, в которой пробудилась подозрительность...

Это было выше моих сил.

Я совершенно взмок и покинул квартиру, чтобы избавиться от ставшего ненавистным костюма.

На лестнице поджидала Кисонька.

Она спросила, как всё прошло, и я ответил, что нормально.

Вообще, я не понимаю, зачем спрашивать, как прошло, если здесь и так всё написано.

Не видно разве, как прошло?

Кисонька помогла мне убрать костюм в сумку и потянулась салфеткой к моему мокрому лбу.

Я оттолкнул её руку:

– Я сам. Извини. Просто я сам.

Я утёрся рукавом, и мы вместе отправились в гости к сиротке.

Глава 7

1

Сиротка встретила нас возбуждённая, рассказала про Деда Мороза.
За пять лет жизни она впервые увидела его.
На ёлки её не водили, на дом Дед Мороз не приходил.

Захлёбываясь словами, она утверждала, что щедрый гость был ростом до потолка. Это мне, признаюсь, польстило.

Что ни говори, а униформа, даже дедморозовская, придаёт мужчине вес.

Рассказывая про подарки, сиротка не упомянула боа.

2

Пригласили за стол.

В шкафу напротив помещался хрусталь, цветные фотографии женщины в белом халате и чёрно-белые – мужчины в костюме-тройке, а также телевизор.

Телевизор показывал балет. Накрашенные красавцы в белых лосинах с набухшими гульфиками ходили на цыпочках.

Старушки рассказали, что отец их, петербуржец с высшим образованием, в пору расстрелов по сталинским квотам почуял опасность и отбыл в Москву.

Система репрессий была массовой, но не дотошной, никто не стал его разыскивать.

Женился родитель поздно, но на молодой.

Насладиться отцовством ему не довелось: инфаркт, обеих дочерей воспитала мать.

Позже одна из сестёр, то есть бабуся сиротки, родила дочь. Мужем при этом не обзавелась.

Да вот, собственно, они оба: отец чёрно-белый, дочь цветная.

Посмотрев ещё раз на женщину в белом халате, я подумал, что доктора тоже смертны.

В довершении бабка поведала о природе сироткиного имени.

Ушедшая в иной мир мать назвала её в свою честь.

А сама она носила имя собственной матери. То есть бабки.

Третье женское поколение с одним именем.

Ничего особенного, имя как имя, но дамочки явно испытывали к нему слабость. После кончины дочери старушка отношение к имени изменила.

– Пришла в годовщину на могилку, прочитала и всё поняла, – призналась она.

Вскоре имя сиротки было официально изменено – исправили одну букву.

Любопытный метод избавления от проклятия. А именно проклятие, по мнению пенсионерок, нависло над их семьёй.

3

Мы с Кисонькой молчали. У меня даже аппетит пропал, что оказалось кстати – на столе было шаром покати.

Кроме пирога.

Надо отдать должное Кисоньке – она принесла большой пирог.

Несли мы вместе, но идея её.

По Кисонькиной инициативе мы испекли пирог с сыром и шпинатом, разместили его аккуратно на досточке, чтобы не разломить, и принесли.

Не успела Кисонька раскрыть свёрток, как бабка в трусах оторвала кусок и запихнула в рот.

– Можно я только попробую? – спросила она с набитым ртом.

Мы с Кисонькой действовали наперегонки с бабкой: она отъедала от пирога с одной стороны, а мы аккуратно нарезали его с другой. Нас было двое и действовали мы слаженно, на стороне бабки была только прожорливость. В итоге получилось что-то вроде ничьей – половину удалось спасти.

4

– Не вы одни к нам сватаетесь, – сообщила наевшаяся старушка. – У нас и другая пара претендентов есть. Крепкая семья, состоятельные люди, свой повар, на море возили.

Сиротка принялась вертеться на стуле. На неё посыпались вопросы о море, о медузах и ракушках, но она ничего не могла вспомнить.

– Жаль, они кошку завели. Кошка хоть и лысая, но у нашей всё равно аллергия. Чихает, соплевит. А они такие хорошие, солидные, икрой угощают.

Старушки переглянулись.

После молчаливого обмена взглядами и внутренней борьбы бабка сиротки пошарила под подолом и выкатила железную дальневосточную шайбу.

Мне, как единственному мужчине, доверили вскрывать.

Я справился, соорудил сразу несколько расточительных бутербродов и, не откладывая, впился в один из них зубами.

Кисонька отказалась. Она только и делала что смотрела то туда, то сюда, что возвещало о мыслительном процессе.

– Мы кого попало не берём, – сказала та, что в трусах. – Вот вы, например, лауреат.

Я кивнул.

– Вам ведь и деньги дали?

– Дали.

– Много?

Я назвал сумму, уточнив, что она не облагается налогом. Старушки многозначительно переглянулись.

Сиротка бросила на меня благосклонный взгляд.

Слушая о претендентах на своё драгоценное величество, она даже внешне поменялась.

Превратилась в маленькую предпринимательницу, дерзкую и бескомпромиссную: деньги есть – подходи, денег нет – следующий!

Её готовность, её неизвестно откуда взявшаяся деловитость ужасали, как разверзшийся террариум. Она была то чрезвычайно резва и весела, то делалась мрачной.

Скоро она пришла в столь сильное возбуждение, что потребовала выпить.

Все мы принялись как можно искреннее ругать алкоголь, между делом пытаясь подсунуть ей лимонадик.

Оказалось, сиротку не так просто провести.

Поднялся невообразимый ор. Не умилительный детский скандал, а некрасивая, с искрами безумия истерика.

Залить пламя удалось лишь рюмкой ликёра из бутылочки, к которой то и дело прикладывались обе бабуся.

Налить доверили мне.

Я попробовал ограничиться самой малостью, но сиротка взвизгнула, чтоб до краёв, и мне пришлось подчиниться. Не успел я выполнить приказ, как она схватила рюмку и, расплёскивая, хлебнула.

Скривилась и отшвырнула.

И плюнула.

И заревела.

Посыпались увещевания, облитым и оплёванным вручили салфетки. Кисонька покраснела.

Заткнуть разбушевавшуюся сиротку удалось только шоколадным зефиром.

За несколько минут до этого она выпрашивала хотя бы одну зефирку. Стоило поднять крик – и она заполучила всю коробку.

5

Воспользовавшись затишьем, разомлев от ликёра и пирога, бабка в трусах завела душевный разговор. Вспомнила юность, рассказала, как в институте занималась боксом, что было дикой редкостью, и как однажды после травмы у неё так ломило позвоночник, что она ходила по-маленькому стоя.

– Она у нас певица, – встряла другая бабка, которую смутило столь откровенное признание сестры.

– Музыкант, – поправила рассказчица.

– И блогер! – выкрикнула сиротка, и все почему-то смутились.

– Покажи свой клип! – не унималась сиротка.

После недолгих уговоров старушка в трусах продемонстрировала музыкальное видео. Затем ещё одно.

И ещё.

А некоторые говорят, у нас пенсионеры не включены в актуальную реальность.

Какие образы населяли её клипы?

Крепкие объятия.

Подмосковные вечера.

Уважение к старикам.

Душевная близость.

Кисонька боялась пошевелиться, бабуса в платье смотрела с благоговением, автор смотрела с достоинством, сиротка время от времени поворачивала к нам лицо и кричала: «Это я!» – когда видела на экране себя.

После показа нам намекнули, что хорошо бы поставить клипам по лайку.

Мы тотчас выполнили просьбу.

Наши лайки оказались пятым и шестым по счёту.

Сиротка пожелала мороженого.

– Тебе хватит, – строго сказала родная бабка.

– У тебя сахар повышенный, – сообщила вторая.

– Вы какашки! – завопила сиротка. – Какашки и говно!

Её выволокли из-за стола, но крик не унимался. Тогда сиротку вернули и вывалили перед ней целый кирпич пломбира.

6

– Почему ты не написал правду? – спросила Кисонька, когда ехала с Дедом Морозом домой.

– Какую правду?

Дед Мороз сделал вид, что не понял вопрос, хотя понял всё очень хорошо.

– Почему ты не написал, как мы познакомились с сироткой и зачем она нам вообще понадобилась?

Дед Мороз тянул с ответом не случайно, не хотелось обо всём этом говорить, особенно при водителе такси.

– Почему ты не написал, что мы много лет пытаемся завести ребёнка и ничего не получается? Почему ты не написал, что мы ходим по разным врачам, сдаём анализы, я колю гормоны, и всё без толку? Почему ты не написал, что сам постоянно меняешь мнение: то хочешь ребёнка, то не хочешь? Почему ты не написал, что тебе сказал доктор?

Деду Морозу показалось, что он стал увеличиваться, что сейчас подомнёт Кисоньку, спинки сидений и водителя, выдавит собою окна, а затем разорвёт автомобиль и сам потом разорвётся.

– Почему ты не написал, что усыновление – единственный для нас вариант завести ребёнка? – спросила Кисонька.

Дед Мороз занимал прежнее пространство, его не разорвало, скорее, он стал похож на замёрзший кабачок: снаружи вполне, а внутри пустой и бессмысленный.

Глава 8

1

Пока я тут рисовал картины прошлого, Кисонька пробудилась. Горячая, как печка.
Наши расписания состыкованы со смещением: я засыпаю – Кисонька курит, я проснулся – Кисонька спит.
Небольшой зигзаг во взаимном тайминге обеспечивает крепость отношений.

Я обнюхиваю Кисоньку, как пёс обнюхивает съедобное сокровище.
Я берусь за неё, как повар берётся за тесто.
Глажу, шлёпаю и валяю.
И тогда она воскресает ото сна, а я, наоборот, вырубаюсь.

Но иногда требуется другой подход.
Вот и теперь, едва я собрался её воскресить по привычной схеме, как получил отпор.
– Ты груб и тороплив, – сказала Кисонька. – Я ничего не чувствую.
Лицо её напоминало тучу, из которой вот-вот ливанёт.
– Совсем не хочется просыпаться. Не хочется жить. Зачем жить? Я никому не нужна. Я мёртвая, не различаю ни запахов, ни цветов. Я нужна тебе только для того, чтобы трахать по утрам и пользоваться моими идеями. Ты не заботишься обо мне. Я чувствую себя кольцом, завалившимся за диван...

Омрачённый таким поворотом дела, я всё же отметил про себя великолепие метафоры.
Я потянулся за телефоном, чтобы записать, но передумал. Записывать в такой момент – это уж слишком.

Постараюсь запомнить методом ассоциаций.

Кольцо.

Кольцо, как у Толкина.

Диван... у бабушки был диван, обтянутый зелёной материей. Зелёный колючий диван, за который завалилась Кисонька...

– По утрам мне кажется, будто жизнь держит меня под водой. Держит насильно и смотрит, как я захлёбываюсь. И ждёт, когда я захлебнусь.

Снова метафора! И опять прекрасная, яркая, сочная, говорящая!

Толкин, диван, вода...

Я схватил телефон и начал вбивать в него слова.

– Я живу будто не с тобой, – сказала Кисонька. – Будто одна. Я чувствую, что ты здесь и не здесь. Ты всегда в своих мыслях, в своём телефоне, что-то записываешь. Я живу не с тобой, а с целой толпой чужих мне персонажей. Они торчат в нашем доме, едят нашу еду, спят в нашей спальне. Иногда я не знаю точно, с кем занимаюсь любовью, с тобой или с кем-то другим.

2

Существует ещё один способ утреннего воскрешения Кисоньки.

Срабатывает в любых ситуациях.

Достаю свёрнутый в рулон электрический мат-расик, раскатываю на кровати рядом с Кисонькой, включаю.

Личико Кисоньки перестаёт расплываться и обретает отчётливость.

Поверх матрасика расстилаю плёнку на манер маньяка-чистоплюя.

Говорить ничего не приходится, Кисонька сама переползает на плёнку.

Личико оживляется.

Открываю большую зелёную банку, насыпаю из неё в миску, разбавляю тёплой водой, перемешиваю.

По комнате расползается таинственная вонь.

Так пахнут могилы древних королев.

– Ты такой вонючий, – говорит Кисонька, потягиваясь.

Губки её образуют озорную улыбку.

Черпая из миски, обмазываю Кисоньку получившейся жижей.

Жижа обладает чудодейственными свойствами.

Кисонька приятно скользит под ладонями.

Всё выглядит так аппетитно, что хочется лизнуть.

Украдкой пробую с пальца.

Кисло и на зубах хрустит. Наверное, мощи одной из тех самых древних королев.

Кисонька переворачивается на спину, смотрит на меня нежно.

– Ну разве можно ходить в салон, чтобы это делал другой мужик, да ещё за пять тысяч?

– А что, в салоне мужики?

– Бывает, что и мужики, – Кисонька блаженно закрыла глаза, демонстративно предавшись воспоминаниям.

Везёт же некоторым с работой. Обмазываешь голых баб зелёной жижей и за каждую получаешь пятёрку.

Заляпав Кисоньку со всех сторон, я плотно обмотал её полиэтиленом и накрыл одеялом. Можно подумать, Кисонька приготовлена в последний путь.

Если электрический матрасик коротнёт, чудодейственное ложе вполне может превратиться в погребальный костёр.

И откуда только подобные мысли?

3

На воскрешение Кисоньки уйдёт полчаса.

Надо их чем-то занять. Например, посмотреть в зеркало.

Увидев отражение, я не стал мыть руки.

Остатками жижи я нарисовал вокруг глаз круги, а через лоб, нос и подбородок провёл вертикальную линию.

И натыкал точек тут и там.

Не то чтобы я любил играть в дикаря, просто жижу жалко, она довольно дорогая, даже если по интернету покупать.

Плюс стоимость самой процедуры.

Пока мы возились с сироткой, то порядочно на неё тратились.

Аттракционы, контактные зоопарки, катание на пони, развивающие игры, цена на которые равна прожиточному минимуму. В те дни мы начали экономить на себе, Кисонька частично перешла на домашнюю косметологию и пристрастилась.

Мне тоже нравится, чувствую себя повелителем.

Плюс семейное единение.

Издалека донёсся звук лобзика.

Довольный собственной рачительностью, предвкушая встречу с плотником, я спустился вниз.

Глава 9

1

Печник шевелил толстыми пальцами ног и пил чай.
За его спиной разверзся камин.
Как лучше сказать: недоразобранный или недостроенный?
Разгромленный.

Напустив на себя озабоченный вид, будто у меня важное дело, я быстро прошёл к задней двери.

И вот я уже на крыльце, выходящем на лес.

2

Взору открылась лужайка в пятнах светотени. За лужайкой – хвойно-лиственный вал.
Выйдя на крыльцо, я оказался у подножья вала. Берёзы, обёрнутые в будущие берестяные грамоты, и сосны, шелушащиеся золотой поталью.

На краю леса, возле сарая, орудует плотник. Лужайка припорошена стружкой хлебного цвета. Поблизости валяется несколько деревянных ломтей и множество пустых пятилитровых канистр от растительного масла.

На кирпичах стоит наполненный железный чан.

Под чан подведены восемь горелок, над каждой трепыхается синий газовый огонь.

Плотник возится с большущим пнём.

3

– Ты настоящий зверь, мой малыш, – сказал мне плотник.
– Зверь, который пишет этот текст, – уточнил я.
– Ты настоящий сатир: низ звериный, верх дикарский.
– Трудно найти слова слаще для уха тихого и пугливого интеллигента, – ответил я, не будучи в силах скрыть восторг от элегантной похвалы плотника.

Мы заключили друг друга в крепкие мужские объятия. Давно не виделись.

– Варишь? – спросил я.

– Вывариваю, – ответил плотник. – Ты как раз вовремя.

Пыхтя и неловко переступая, мы вместе доволокли до чана здоровый пень.

Плоскость спиленного ствола обширна и своими причудливыми очертаниями напоминает континент. Внутренние карманы, образовавшиеся в теле дерева в течение долгой жизни, кажутся озёрами, трещины – ущельями, глубоко простирающиеся от внешнего края витиева-

тые ложбинки – устьями рек. Годовые кольца, расходящиеся широкими волнами, концентрируются посередине густым затемнением столицы.

Мы погрузили пень в масло, и он выбросил на поверхность три цепочки быстрых пузырьков – масло начало вытеснять кислород.

– Сколько тут? – спросил я.

– Сто пятьдесят литров, – гордо ответил плотник.

4

Плотник – молодой мужчина с лицом актёра и густой шевелюрой.

Он красиво курит, костюмы на нём сидят безупречно, в чужие дела нос не суёт.

Не из хорошего воспитания, просто ему плевать.

Идеальный набор качеств для успешной карьеры. Она у плотника до недавнего времени и была.

Плотнику можно было только позавидовать – помощник одного из первых сановников континента.

Одного из семи царей.

В обязанности плотника входила организация торжеств, коих было немало.

5

Причина карьерного вознесения плотника заключалась ещё и в том, что рядом с ним хозяин чувствовал себя как бы европейцем.

Уж больно светское впечатление производил плотник на фоне прочих холопов в пиджаках различных оттенков синего.

Шеф его даже немного стыдился и при себе держал для стимула, для личностного роста.

Чтоб не срываться и в дикое русское барство не впадать.

А если и срывался, а срывался он постоянно, то хотя бы осознавал это и от искреннего и глубокого раскаяния особое наслаждение испытывал.

Русское раскаяние сродни русской же бане: сначала раскаляешься докрасна, а потом сразу в ледяную купель, чтобы пар и шипение, чтобы от раскаяния убеждения только окрепли.

Сам плотник хоть и не был образцом чувствительности, но природу имел противную природе хозяина и критический порог пересёк неожиданно для самого себя.

6

Однажды верховный правитель собрал всех своих семерых царей.

Точнее, хозяин нашего героя всех собрал, но под эгидой верховного.

Надо было ему, хозяину, что-то обстригать.

Дело происходило в степном сердце державы, в зоне месторождений, после саммита.

Немолодые, с лицами, выделанными продолжительным пребыванием у власти, цари расселись за столом, пустой трон во главе которого предвещал появление верховного.

Каждый из семи был наместником в одной из стратегических отраслей, строго следил за соблюдением интересов верховного, приравненных к интересам империи, и о себе, в разумных пределах, не забывал.

Верховный задерживался, цари молчали, один задремал.

Если бы в том зале имелись часы, было бы слышно, как они тикают.

Но часов не наблюдалось, а потому не было и времени.

Часы, кстати, отсутствовали неслучайно. Зал, в котором проводилось собрание, раньше служил для нужд казино, а после запрета на азартные игры использовался для торжественных мероприятий.

Многое тут было переделано, в том числе и перед приездом верховного, но часы по традиции не приживались.

Кроме того, по какой-то необъяснимой причине в помещении царил холод.

Отопление работало исправно, но оно не в силах было победить стабильно низкую температуру бывшего игорного чертога.

Гости поёживались, у наместника в сфере технологий будущего, тонко взвыло в животе.

Подали горячие напитки, что привело к предательски громкому бурчанию в брюхе у наместника над северными путями.

Задремавший всхрапнул.

Привыкшие ждать уже начали маяться, но тут явился адъютант.

Было доложено, что визит верховного отменяется, а вместо этого прибыло приветственное слово.

Хозяин вечера был хоть и расстроен, но принял бумагу с трепетом, будто скрижали какие.

Все семеро встали.

Хозяин вечера начал читать со слезами на глазах.

Что именно заставило его прослезиться: неявка верховного или честь озвучить священные слова.

Традиции гостеприимства.

Взаимовыгодное сотрудничество.

Сердце радуется.

Героические страницы.

Победоносная и непобедимая.

Традиции и культура.

Победа над фашизмом.

Подмосковные вечера.
Уважение к старикам.
Укрепление боеготовности.
Патриотическое воспитание.
Душевная близость.
Традиции и культура.
Сердце радуется.
Ни пяди своего не отдадим.
Подмосковные вечера.
Героические страницы.
Сакральное место.
Уважение к старикам.
Победа над фашизмом.
Взаимовыгодное сотрудничество.
Геополитическая катастрофа.
Победоносная и непобедимая.
Подмосковные вечера.

Когда стало ясно, что конец, все семеро устроили овацию.
Наместник по технологиям будущего больше других старался.
Он с самого начала ладоши держал наготове и разок хлопнул преждевременно.
А по окончании захлопал радостно ещё и оттого, что угадал.
Ещё и оттого, что чуял: близится обед.

7

Слуги принесли закуски и прохладительные напитки, а затем и главное угощение – разваренные куски на подносе.

– Присаживайтесь.

Редчайшее блюдо, старинный рецепт, а не какая-то херня.

В древние времена подавали только на пирах императоров.

Гостеприимный хозяин поклонился пустому трону.

В нашу эпоху отведать кушанье невозможно, потому что данный зверь, из которого блюдо, истреблён.

Практически.

Глядя на пустой трон, гостеприимный хозяин выдержал выразительную паузу. Молчание затягивалось, и хозяин, окинув всех лукавым взглядом, спросил:

– Где же этого редчайшего зверя раздобыли, если он истреблён?.. Практически.

Наместник по технологиям осмелился предположить, что блюдо – результат новейшего научного эксперимента, осуществлённый специалистами его ведомства.

– Нет и ещё раз нет, при всём уважении, – клокотал от гордости хозяин. – И не охота, нет! Не экспедиция в Африку или в Хакассию, – он подмигнул одному из царей, но каменный лик того даже не дрогнул.

– Вы не поверите, – хозяин ликовал из-за собственной смекалки.

Все, даже самые безразличные, сосредоточились.

– В местном зоопарке. Последняя особь.

По лицам, выдавшим виды, пробежала мгновенная рябь с нюансами.

Храпевший недавно силовик покачал головой, отдавая должное смекалке, а начальник технологий будущего брезгливо поджал губы, эту грубую смекалку презирая и одновременно ей завидуя.

Не успели цари вонзить свои искусственные и натуральные клыки в кушанье, как обнаружилось, что оно несъедобно.

То ли в старинный, чудом дошедший до нас рецепт вкралась ошибка. То ли редкий зверь был слишком стар и утратил на зоопарковом корме деликатесные качества.

А может быть, избалованные современные рты оказались не готовы к кулинарному величию прошлого.

А может, история происхождения блюда лишила всех аппетита.

И даже окружающий холод не помогал.

Цари налегали на гарнир, рвали хлеб, а один знаток единоборств даже позволил себе шутку, мол, его супруга и та мягче.

Скоро все умолкли. Остывающий последний зверь удостоился минуты молчания.

Жестом хозяин подозвал нашего героя, будущего плотника.

Общение между ними давно не нуждалось в вербальном переводе.

Хозяин взглядом приказал избавиться от неудачного блюда.

Цари расставались с тарелками без сожаления, и лишь один, тот, который по технологиям, одними губами спросил: «Не против ли папа? Одобрит ли он тот факт, что не доели?»

И едва слышный этот вопрос был, однако, услышан всеми, и тяжёлые лица обратились к хозяину.

И в самом деле, папа не против?

Хозяин варварского пира поглядел осторожно на пустующий трон, затем по-отечески на коллег и подчёркнуто выразительно, но беззвучно, как для глухих, артикулировал:

– Папа разрешает.

Остывшие куски редкого зверя скормили учёным собакам, распознающим по запаху коварные помыслы.

Только одну порцию упаковали и передали свите самого бережливого из царей.

Тот пожелал разогреть и ещё раз вдумчиво отведать в домашней обстановке.

Да и мать его, блокадница, с детства приучила еду беречь.

8

Этот странный авторитарный ланч воспламенил в будущем плотнике накопившийся негатив.

Он подал заявление.

Спустя два дня его жилище бегло обыскали, проверили ноутбук – не насобирал ли компрометирующих сведений?

На банковский счёт поступили щедрые отступные.

Хозяин не уговаривал остаться, но и впечатления самодура о себе оставлять не хотел.

Не теряя времени, нынешний плотник занялся психологическим самолечением.

Перебрался к нам с Кисонькой и принялся рыскать по чаще в поисках упавших деревьев.

Сделать такой выбор ему помогла жена – вы-гнала.

Она познакомилась с лоботрясом из соседнего подъезда, и торчащий дома плотник мешал её личной жизни.

Плотник выискивал пни, волок на лужайку, обдирал, вываривал в масле, шлифовал, полировал и приделывал ножки.

Получившиеся низкие столы уже загромождали изрядную часть гостиной.

Пробираясь между камином и поделками плотника, Кисонька то и дело стучалась ногой о замысловатый край дубового массива.

Она проклинала и пень и плотника, но гнев её был скоротечен и сменялся благосклонностью – в любой момент плотник готов стонять в садовый питомник за каким-нибудь растением.

Растения Кисонька любит.

Дерево на лужайке должно её обрадовать.

Глава 10

1

Собака залаяла на сарай.

Глядя на виляющий хвост и мохнатые лапы, я испытал прилив нежности. Я подошёл к собаке и подхватил её на руки.

Она трогательно закричала и принялась терпеливо висеть в моих руках.

Оказываясь в таком положении, собака всегда делается покорной. Я ткнулся носом в её макушку. Поворошил, чтобы почувствовать тёплый запах.

Люблю сунуть нос в её макушку. Когда она стоит лапами на земле, это сделать непросто – собака вертит головой, норовя меня лизнуть. В всяком состоянии она смирная.

2

Что, если бросить её в чан?

Туда, где пень и сто пятьдесят литров растительного греются на восьми синих цветках.

Нежность к собаке так распирает, что хочется что-то с ней вытворить.

А чан тут как тут.

Я мотнул головой, чтобы стряхнуть мыслишку.

И поскорее поставил собаку на землю.

От греха.

Едва обрета под лапами твёрдую почву, собака снова залаяла на сарай.

Её привлекло окошко.

Обычно собака облаивает стрекоз или мух, на сарай она никогда прежде голос не поднимала.

3

Подойдя ближе, я увидел птицу.

Залетев в сарай через распахнутую дверь, она бьётся в стекло.

Я решил совершить доброе дело и вошёл в сарай.

Я принялся шугать птицу к выходу.

Пернатое истерично заметалось, выбирая любые направления, кроме ведущего к свободе.

Разок птица даже уцепилась за притолоку, но, вместо того чтобы выпорхнуть вон, рванулась обратно вглубь помещения.

Рванулась... ещё есть слово «метнуться».

Я мог бы написать «птица метнулась».

В старомодной советской прозе такие слова любили. Там все постоянно норовили куда-нибудь рвануться или метнуться. Будто нельзя передвигаться степенно и с достоинством.

И всё-таки однокоренной глагол от «метнуться» мне пригодится.

Проявив неожиданную сметливость и хлопая крыльями, птица... та-дам... метнула из-под хвоста кляксу и была такова.

Я скосил глаза, чтобы увидеть, как от плеча и до самого леопарда меня рассекла белая зловонная жижа.

Благодарность божьей твари. Отплатила как могла. Теперь разбогатею.

Я покинул сарай со смесью светлого удовлетворения и гадливости.

Обычное чувство после благородного поступка.

4

Я посмотрел на дом.

Дом был очень красив.

Лучи светила, восходящего с обратной его стороны, разбиваясь о него, превращались в нимб.

Дом возвышался, и очертания его дрожали в зыбком ореоле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.